

О.Н. Баркова

(кандидат ист. наук, доцент кафедры отечественной истории XX в. исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова)*

ЖЕНЩИНЫ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ (1917—1939 гг.): СОХРАНЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В центре статьи — проблема сохранения национально-культурной идентичности женщинами русского зарубежья в ее историческом аспекте. Прослеживается развитие школьного образования, литературы, журналистики и музыкального искусства в инокультурном окружении. Особый акцент делается на персонификации русской женской эмиграции 1917—1939 гг.

Ключевые слова: русская эмиграция 1917—1939 гг.; женщины в эмиграции; сохранение национальной идентичности; школьное образование, журналистика, литература и музыкальное искусство в эмиграции.

The article focuses on the problem of preservation of national and cultural identity of Russian diaspora women in its historical perspective, tracing development of school education, literature, journalism and music in foreign cultural environment. Particular emphasis is placed on personification of Russian emigration women in 1917—1939.

Key words: Russian emigration in 1917—1939; women in exile; preservation of national identity; school education, journalism, literature and musical art in exile.

* * *

Феномен женской эмиграции послеоктябрьского периода в значительной степени определяется ее особым отношением к культурному наследию покинутой России. Оказавшись в изгнании, русские женщины в большей степени, чем мужчины стремились сохранить приверженность к своим историческим корням, национальные традиции, православную веру, русский язык, воссоздать разорванные духовные связи и обеспечить преемственность бытия. Сохранение такой духовно-культурной целостности оказалось возможным только потому, что многие эмигрантки «первой волны» ощущали себя органической частью национальной культуры России.

Женская эмиграция 1917—1939 гг. — явление не только социально-политическое, но и культурное. Массив духовных и научных ценностей, оставленный потомкам лучшими представительницами русского зарубежья «первой волны», позволяет нам с полным правом отнести их к явлениям мировой культуры и науки. Среди них

---

* Баркова Ольга Николаевна, тел.: 8 (495) 939-36-09; e-mail: olgabarkova@list.ru

были: сценограф, одна из основоположниц сценических традиций современного британского балета Софья Федорович, примы русского балета в эмиграции Людмила Бараш, Екатерина Девильер, Тамара Карсавина, Матильда Кшесинская, Клавдия Павлова, Елена Смирнова, Ольга Спесивцева и др.; создательница особой техники обработки шамотной глины Эрна Давидова-Вольфсон; график, одна из основоположниц стиля «арт-деко» Александра Эктер; доктор медицины, первая в России женщина, возглавлявшая кафедру хирургии, Надежда Добровольская-Завадская, исследования которой в области онкологии еще в 1930-е гг. были связаны с изучением воздействия рентгеновских лучей на природу различных раковых заболеваний; иммунолог, выпускница Московского университета (1927), руководитель лаборатории в Пастеровском институте, автор более 90 научных работ и лауреат премии Французской Медицинской академии (1945) Антонина Гелен (урожд. Щедрина), предложившая методику использования вирусов бактериофагов в медицинских целях, — основе одного из методов современной химиотерапии, и др.

Послеоктябрьская волна женской эмиграции была представлена в основном образованной частью общества — интеллигенцией, оказавшейся за пределами России в результате трагедии революции, гражданской войны, голода, идеологического контроля и т.д. Подавляющее большинство русских женщин сумели сохранить в эмиграции свои убеждения (и заблуждения), любовь к России и веру в то, что смогут вернуться на родину.

Одна из особенностей российской эмиграции «первой волны» состояла в том, что она была прежде всего политической, и многие, покидавшие страну, выражали таким образом свой протест новой власти, не признавали нового государственного устройства, в то время как советское государство не признавало их. Для части русских эмигрантов 1917—1939-х гг. была характерна трактовка понятий «эмиграция» и «беженство» не столько с политической, сколько с моральной точки зрения. Так, в записке одного из сотрудников Комитета по расселению русских беженцев в Константинополе отмечалось, что «состояние беженства — это медленная духовная, моральная и нравственная смерть»¹.

Процесс ассимиляции и натурализации российских эмигрантов «первой волны» замедлялся их верой в неминуемый крах советского режима и ожиданием скорого возвращения на Родину. Именно поэтому многие эмигранты «были в основном заняты политическими делами» и «строили планы будущего переустройства родной страны, а не собственного обустройства за границей»². При этом

¹ ГАРФ. Ф. 6425. Оп. 1. Д. 19. Л. 5 об.

² См., например: *Сорокин П.* Дальняя дорога: Автобиография. М., 1992.

любая классификация эмиграционных волн и беженцев по мотивации — политическая, трудовая, добровольная и вынужденная — как правило, всегда является условной из-за неоднородности состава мигрантов и изменения мотивов их пребывания за границей.

Одна из причин, позволивших российской эмиграции 1917—1939 гг. быть не только культурным сообществом, но и стать духовно-целостной диаспорой, заключалась в разнообразии социального, религиозного и этнического состава беженцев. Среди них были представлены почти все слои общества дореволюционной России: интеллектуальная и профессиональная элита, крупная, средняя и мелкая буржуазия, военные, ремесленники, рабочие, крестьяне, казаки и т.д.

Социальный состав российской эмиграции представлял собой своеобразный срез общественной структуры царской России с несколько смещенными количественными показателями. «Все перемешалось: аристократы с казаками, капиталисты с ремесленниками, художники и ученые с солдатами регулярных войск»³, — писал Н. Зернов. В целом же пропорциональное соотношение общественных страт в российском зарубежье на начальном этапе его существования было в пользу представителей научной и творческой интеллигенции и военных. Кроме того, свое существование в изгнании продолжала большая часть конфессий бывшей Российской империи, и даже самые редкие национальные меньшинства имели представителей своей церкви за рубежом. Фактически в эмиграции была сформирована микромодель российского дореволюционного общества. «Послереволюционная волна эмиграции стала основой для возникновения Русского Мира в его современном варианте как центра притяжения предшествующих и последующих эмиграционных потоков и соединения их в общее цивилизованное пространство»⁴.

Другая, не менее важная причина, способствовавшая сохранению культурной идентичности эмигрантов «первой волны», состояла в особенностях национального самосознания и русского характера, женского в том числе. Как справедливо отмечал М. Раев, «...ими владело вполне благородное стремление быть истинной и, следовательно, более плодотворной из двух Россией, возникших по воле политических обстоятельств. И сами эмигранты думали о себе не иначе, как о стране и обществе, тем самым оправдывая название “Россия за рубежом”»⁵.

³ Зернов Н. Русское религиозное возрождение XX века. Париж, 1974. С. 22

⁴ Пивовар Е.И. Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М., 2008. С. 97.

⁵ Раев М.И. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции, 1919—1939 гг. М., 1994. С. 15.

Анализируя явление эмиграции, литературный критик Г. Адамович писал: «Без преувеличения мы в праве сказать, что в истории еще не было явления, схожего с русской послеоктябрьской эмиграцией. Историческая единственность, историческая исключительность русской эмиграции — вне сомнения»⁶. Именно поэтому, стремясь к сохранению национального самосознания у своих детей, многие эмигрантские семьи давали им «русское» образование. Как известно, вопросами воспитания детей в семье традиционно занимаются женщины, которые и стали в эмиграции хранительницами русской идентичности.

Сохранению национально-культурной гомогенности у русского зарубежья 1917—1939 гг. способствовало хорошо поставленная работа по созданию учебных заведений разного уровня, которые принято объединять одним общим понятием — эмигрантская школа. Вера в скорое возвращение на Родину ставила перед эмиграцией задачу сохранения системы дореволюционных традиций и принципов российского образования в ряд основных. «Сохранить национальную культуру, приучить любить детей все русское, воспитать подрастающее поколение для будущей России, закалить его волю, выработать твердый характер — вот основная задача эмигрантской школы»⁷. Для реализации этих задач в 1923 г. были созданы две педагогические организации — «Объединение русских учительских организаций за границей» и «Педагогическое бюро по делам средней и низшей школы за границей».

В статье А. Бема «Школа и дети эмиграции» говорится о 75 русских школах с 8255 учащимися на 1 января 1924 г. При этом 6897 детей обучалось в 41 средней школе, а 1358 — в 34 низших учебных заведениях⁸. Архивные данные «Педагогического бюро по делам средней и низшей школы за границей» дают нам иные сведения (хотя близкие): в начале 1920-х гг. в 11 странах Европы было создано 77 русских школ, в которых обучалось 6803 ребенка⁹.

Следует подчеркнуть, что не только открытие, но и само существование учебного заведения в эмиграции было делом весьма хлопотным, требовавшим немалых финансовых затрат. Согласно записке Земгора, «писчебумажные принадлежности и пособия на одного школьника составляли в месяц — 3,35 франка; 5 франков в среднем стоили расходы по оплате труда учителя; учебники по расчету один на трех составляли: букварь — 3 франка, начальная

⁶ Адамович Г. Вклад русской эмиграции в мировую культуру. Париж, 1961. С. 6.

⁷ Русские без Отечества: Очерки антибольшевистской эмиграции 20—40-х годов. М., 2000. С. 262.

⁸ См.: Свободная Россия. Париж, 1924. № 3. С. 168.

⁹ ГАРФ. Ф. 5785. Оп. 1. Д. 52. Л. 25.

арифметика и задачник — 6 франков, история России — 3 франка и др., что в итоге давало сумму в 27 франков»¹⁰.

Так, например, самым стабильным русским учебным заведением среднего звена во Франции была Русская средняя школа-гимназия в Париже. Она имела полный состав классов — от первого до восьмого. Только в 1923/24 учебном году занятия в ней посещали около 200 школьников, одна треть которых — девочки. При школе был создан специальный комитет, организовывавший различные концерты и тематические вечера, сборы от которых были важным финансовым подспорьем для этого учреждения. Председателем специального комитета школы была М.А. Маклакова¹¹ — сестра В.А. Маклакова, председателя Русского эмигрантского комитета в Париже, российского посла во Франции в 1917—1924 гг.

Главная цель системы школьного образования в эмиграции состояла в сохранении «русскости» у подрастающего поколения, поэтому основное внимание в эмигрантских учебных заведениях школьного типа было сосредоточено на изучении гуманитарных дисциплин. Но условия эмиграции предъявляли новые требования к преподаванию русского языка, литературы, истории, географии, поскольку многие дети не помнили Россию — ее пейзажей, природы, людей и др. С этой целью на уроках использовалось большое количество иллюстративного материала. Информационный вакуум знаний о России заполнялся не только на занятиях в школах, но и в домашних беседах в семье.

Интересные сведения о работе педагога и преподавании в начальной школе при Русской гимназии в Париже, в лицее для девочек «Фенелон», о частных уроках дочерям великого князя Павла Александровича и внучке П.Н. Милюкова содержатся в воспоминаниях учительницы-эмигрантки Е.А. Кост-Холмогоровой «Моя педагогическая деятельность за границей»¹².

Серьезные проблемы возникали у учителей, преподававших историю. Показательно, что школы, стоявшие на откровенно монархических и консервативных позициях, подчеркивали достоинства самодержавия, в особенности Николая II, а демократически настроенные учителя, наоборот, указывали на недостатки самодержавия и рассказывали о демократических формах правления. Но и те, и другие на уроках делали определенный акцент на истории внешней и внутренней политики России, военных и диплома-

¹⁰ ГАРФ. Ф. 9135. Оп. 1. Д. 9. Л. 9—10.

¹¹ Сведения о месте и роли в эмиграции М.А. Маклаковой приводятся в статье А.В. Тырковой-Вильямс «М.А. Маклакова: Прощальный привет», опубликованной в газете «Русская мысль» 25 мая 1957 г. (№ 1060).

¹² См.: *Кост-Холмогорова Е.А. Моя педагогическая деятельность за границей // Наша дань Бестужевским курсам.* Paris, 1971. С. 77—82.

тических событиях и др. Особое место в преподавании истории занимали сюжеты, связанные с ролью Москвы в формировании централизованного государства и создании Российской империи. Основным учебником считался учебник С. Платонова для средней школы, написанный в 1910-х гг., и учебник Л.М. Сухотина, изданный в 1926 г. для младших классов. Следует отметить, что учебники, издаваемые в эмиграции, были предназначены не только для школьников зарубежья, но и для детей, находившихся в России, культурный и образовательный уровень которых был значительно снижен по сравнению с дореволюционным. Это факт не мог не беспокоить эмигрантов: «Молодое поколение, надежда и опора будущей свободной России, растет под угрозой полнейшего культурного одичания»¹³.

Стремясь сохранить традиции национальной культуры, многие общественные организации в эмиграции устраивали для детей различные праздники, которые традиционно отмечались в России¹⁴. Было создано общество, название которого уже обозначало цель его существования, — «Общество помощи детям русской эмиграции»¹⁵.

Любимыми семейными праздниками в эмиграции всегда были Рождество и Новый год, когда дети и родители, другие родственники собирались вместе. Такие празднования обязательно включали песни и танцы, чтение стихов, они подробно освещались в эмигрантской печати. Так, газета «Новое русское слово» в 1926 г. писала: «Дети выглядели очень гордо и уверенно, были нарядно одеты и с большим чувством и выразительностью читали стихи русских писателей, которые напоминали присутствующим далекую родину, родные поля и села. Особенно трогательно прозвучали в уста маленького школьника слова:

Высоко над рекой
Стоит наше село;
С детских лет всей душой
Полюбил я его.
Я не знаю, когда
И где буду я жить,
Но родное село
Мне навек не забыть.

Звуки правильной русской речи, русские лица вокруг нашей родной северной елки как бы перенесли нас в далекое прошлое, в далекую, но милую родину.

¹³ ГАРФ. Ф. 5930. Оп. 1. Д. 81. Л. 14.

¹⁴ См., например: *Коварская Л.А.* Пасха на Принцевых островах // Новое русское слово. 1942. 5 апр. (№ 10637).

¹⁵ Новое русское слово. 1926. 13 апр.

Чувствовалось, что дети эти, дети русских людей, хотя и родились в Америке, будут знать русский язык, русскую жизнь и между ними, их отцами, их матерями не вырастет той стены взаимного непонимания, которая так часто наблюдается в иммигрантских семьях русских колонистов»¹⁶.

В то же время российская школа в эмиграции постепенно принимала некоторые элементы и формы зарубежной — положительный опыт совместного обучения мальчиков и девочек не только для здорового эмоционального развития подрастающего поколения, но и с целью экономии средств и классных помещений.

Следует отметить, что ситуация со школьным образованием в эмиграции были неодинакова. Так, реформирование русской правительственной начальной и средней школы и русской частной школы в Бесарабии в течение 1920—1921 гг. привело к ее полному уничтожению. Фактически к 1922 г. «не только дети 20 тыс. русских беженцев, но и постоянных 750 тыс. русских жителей, из которых 85 тыс. составляли дети школьного возраста, были обречены на денационализацию», будучи полностью отрезанными, от русской культуры и образования¹⁷.

Идея возвращения на историческую родину составляла стержень идеологии российской эмиграции 1917—1939 гг. «Что такое эмиграция? Только ли путь с родины, изгнание? Нет, это возвращение, путь на родину. Наша эмиграция — наш путь в Россию», — писал Д. Мережковский¹⁸.

При этом эмигранты предполагали вернуться в Россию не с пустыми руками, а с багажом, включающим, во-первых, дореволюционное наследие (во всех областях знания и практики), во-вторых, со своими идеями и достижениями, которые органически вырастали из этого наследия, в-третьих, с новым поколением мыслителей и специалистов, воспитанных на этом комплексе представлений и знаний¹⁹.

Именно поэтому развитие русской культуры и литературы за рубежом воспринималось эмигрантской интеллигенцией как миссия, значимая прежде всего для России и ее будущего²⁰. Неслучайно уже в 1920-е гг. российское зарубежье обращается к образам и творческому наследию А.С. Пушкина и других классиков отечественной литературы, которые одинаково принадлежали всем рос-

---

¹⁶ Новое русское слово. 1926. 22 янв.

¹⁷ Международный опыт защиты соотечественников за рубежом. М., 2002. С. 16—17.

¹⁸ Цит. по: Странник. 1997. № 1. С. 24.

¹⁹ См.: Пивовар Е.И. Указ. соч. С. 409.

²⁰ И. Бунин, Г. Иванов и Издательство имени Чехова: По материалам Coll. Chekhov Publishing House, Columbia University Libraries Bakhmeteff Archive (Box № 1) // Зарубежная Россия 1917—1939 гг.: Сб. статей. СПб., 2000. С. 328.

сиянам независимо от их местопребывания и политических убеждений, сделав их символом русской культуры и просвещения в изгнании.

Русские беженцы, покинувшие Россию в 1917—1939 гг., составили за границей уникальное сообщество. Исключительность его состояла в той сверхзадаче, которую поставила перед ними история. Один из литераторов российского зарубежья, В. Абданк-Коссовский, писал в газете «Возрождение»: «Ни одна эмиграция... не получала столь повелительного наказа продолжать и развивать дело родной культуры, как зарубежная Русь»²¹. Таким образом, бережное сохранение и развитие русской культуры в традициях «Серебряного века» поставила эмиграцию «первой волны» в положение культурного феномена. Именно такую цель ставило перед собой «Общество сохранения русских культурных ценностей», одной из основательниц которого была жена российского офицера-эмигранта М.Н. Башмакова (урожд. Грузинова). Ни одна из последующих «волн» российской эмиграции не определяла для себя таких культурно-национальных задач.

Наиболее эффективным средством коммуникации в эмигрантской среде являлось печатное слово. Проблема издания газет, журналов и книг на родном языке была актуальна для русского зарубежья 20-х — 30-х гг. XX в. Несмотря на значительные экономические трудности достаточно большое количество литературы в эмиграции не только публиковалось на русском языке при сохранении на нее низких цен, но велся ее интенсивный обмен. Так, динамика изданий русских журналов только во Франции была такова: в 1920 г. — 1 журнал, в 1922 — 29, в 1926 — 34, в 1928 — 52²². Они «вырастали как грибы, но и жизнь у них была грибная, короткая»²³. Спросом пользовались и советские издания — газеты, журналы, официальные сборники советских декретов и т.д. Историк и публицист, сотрудник российского посольства в Вашингтоне в 1917—1922 гг. М.М. Карпович писал: «Советские издания для нас чрезвычайно ценны и интересны»²⁴.

Энтузиасты из политически активных женщин русского зарубежья даже пытались организовать пересылку эмигрантской литературы, в которой освещалась жизнь всей русской колонии, в Россию. В первой половине 1920-х гг. это было еще возможно²⁵. Более того, информационная оторванность российской эмиграции «пер-

²¹ Возрождение. Париж, 1956. № 52. С. 121.

²² См.: Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. М., 1994. С. 34.

²³ См.: Струве Г.П. Русская литература в изгнании: опыт исторического обзора зарубежной литературы. М., 1996.

²⁴ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 211. Л. 3.

²⁵ Динерштейн Е.А. Советская власть и эмигрантская печать (20-е годы) // Книга: Исследования и материалы. М., 2001. С. 197.

вой волны» от своих родных и близких в Советской России несколько преувеличена. В действительности переписка в это время была довольно обычным явлением²⁶.

Женщины «первой волны» русской эмиграции много читали. Но если европейское направление женской эмиграции интересовали книжные издания и журналы на русском языке, то женщины Русской Америки читали исключительно прессу — газеты, где в разделах политических новостей разъяснялись события, происходившие в Советской России и отношение к ним Соединенных Штатов, толковались законы по иммиграции и др. На страницах газет печаталось много различных объявлений: об открытии школ и клубов, поздравления личного характера, благодарственные письма и т.д. В новостях культуры давалась информация о концертах и музыкальных вечерах с участием российских эмигрантов. Особое место в этом разделе ежегодно занимало освещение празднования Дня русской культуры, которое всегда было приурочено ко дню рождения А.С. Пушкина, с детальным описанием всех мероприятий как для детского, так и для взрослого населения русской колонии. Этот огромный интерес к празднованию Дня русской культуры в эмиграции, на наш взгляд, является ярким свидетельством отношения представителей русского зарубежья к культурному наследию покинутой России.

Женщины зарубежья «первой волны» принимали активное участие в формировании новых эмигрантских культурных центров вокруг русских библиотек, издательств и учебных заведений. Они обеспечивали своего рода «защиту» от иной национальной культурной среды, способствовали сохранению российских культурных традиций. Так, организатором детской бесплатной библиотеки в Париже была В.Н. Бобринская — жена графа А.А. Бобринского, российского археолога и политического деятеля.

В эмиграции оказалась большая часть творчески активных носителей традиций прежней культуры. И в это смысле точка зрения Н.Л. Пушкаревой, выделяющей четыре потока в массовой российской эмиграции: политическая эмиграция, экономическая, религиозная и «отъезд деятелей культуры», — является обоснованной²⁷. Создалась ситуация, в которой у людей не было их прежнего государства, но была их культура, гибель которой означала для многих из них исчезновение российской нации. Именно об этом в 1924 г. в Чехословакии писала Е.К. Брешко-Брешковская, которая в целях сохранения основ русской культуры в эмиграции активно со-

---

²⁶ Парчевский К.К. По русским углам. М., 2002. С. 57.

²⁷ Пушкарева Н.Л. Пути формирования русской диаспоры // Этнографическое обозрение. 1992. № 6. С. 18.

трудничала с газетой «Дни» и вела культурно-просветительную работу с беженцами²⁸.

Представители русской диаспоры, разбросанные по разным странам и континентам, видели для себя моральную составляющую, смысл эмиграции только в одном — в сохранении русской культуры в инонациональном и инокультурном окружении. «Мы не в изгнании. Мы — в послании», — говорил Д.С. Мережковский.

Задача сохранения культуры исчезнувшей старой России переросла в миссию русской эмиграции, которую активно поддерживали и женщины русского зарубежья. На собрании русских эмигрантов в Париже в 1924 г. И.А. Бунин сказал: «Наша цель — твердо сказать: подымите голову! Миссия, именно миссия, тяжкая, но и высокая, возложена судьбой на нас»²⁹.

Показательным в этом отношении было категорическое неприятие эмигрантами новой советской орфографии, хотя переход на нее был подготовлен Российской Академией наук еще до революции 1917 г. Тем не менее это обстоятельство для большинства эмигрантов не оказалось решающим аргументом. Как известно, И.А. Бунин отказывался читать даже интересующие его журналы, если они были напечатаны с применением новой «заборной» орфографии. Только в 1930-е гг. российская эмиграция постепенно отказывается от использования буквы «ять» при письме.

В ситуации национального «рассеяния» русский язык оказался главным признаком принадлежности к ушедшей России. Печатное слово на русском языке — газеты, книги, журналы — стало не только самым эффективным, но и практически единственным действенным способом сохранения и передачи российских культурных традиций. Ни личные контакты, ни другие средства коммуникации не могли соперничать с печатным словом в возможности преодоления огромных границ и расстояний. Политическая борьба начала XX в. породила моду и привила вкус к политической речи, выступлению на митингах и газетной публицистике. Именно на период с 1917 по 1939 г. пришелся необычайный рост и развитие в эмиграции публицистического слова и журналистики. Огромная потребность анализа случившегося определила содержание и потенциал развития издательского дела в эмиграции в 1917—1939 гг. Так, только в Германии насчитывалось 87 русских издательств, таких, как «Слово», «Эпоха», «Геликон», «Грани», «Мысль» и др., в то время как в Европе на 1924 г. существовало 130 издательских фирм³⁰. Значимость печатного слова быстро и четко обозначила приоритетные сферы интеллектуальной деятельности

²⁸ ГАРФ. Ф. Р-5975. Оп. 1. Ед. хр. 78. Л. 14.

²⁹ Бунин И.А. Миссия русской эмиграции // Слово. 1990. № 10. С. 67.

³⁰ Каталог книг, вышедших вне России. Берлин, 1924.

русских эмигрантов в сфере журналистике. Свое место здесь нашли и женщины русского зарубежья «первой волны»: Татьяна Алексинская, Татьяна Варшер, Августа Даманская, Софья Таубе, Ариадна Тыркова-Вильямс, Надежда Тэффи, Ольга Чернова-Колбасина и др.³¹

В формах творческого общения и в своих культурных пристрастиях женская эмиграция 1917—1939 г. взяла на вооружение те способы коммуникации, которые были характерны для дореволюционной России. Для налаживания интеллектуального общения в эмиграции женщины из среды интеллигенции создавали литературные салоны, кружки и клубы. Так, одним из наиболее заметных литературных салонов, подобным тем, что существовали в царской России, стали воскресные собрания на квартире З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского на улице Колонель Боннэ в Париже, на которых было запрещено говорить только о двух вещах: о погоде и о быте. Их квартира, купленная еще до эмиграции в 1909 г. (по другим данным, эту квартиру они снимали), была хорошо меблирована и выделялась огромной библиотекой Дмитрия Мережковского. Здесь собирались и известные, и молодые литераторы эмиграции. Бывали здесь политики, философы, иногда заходил И. Бунин³².

В письме к Н. Бердяеву от 13 июня 1923 г. З. Гиппиус так описывает свою жизнь в Париже: «Я... ясно вижу, что выброшена отовсюду и некуда приложить сил, которые у меня еще остались. Нечего и не с кем делать. Странное состояние, для моей природа неподходящее»³³.

Большинство исследователей творчества Зинаиды Гиппиус отмечают, что в парижскую жизнь она с мужем вошла «сравнительно спокойно»³⁴. Эмигрантка, поэт и прозаик Н. Берберова считает, что у четы Мержковских «...не было чувства бездомности, которое так остро было у Бунина и у других»³⁵.

---

³¹ Алексинская (урожд. Евтихиева) Татьяна Ивановна (1886—1968) — писатель, журналист, жена Г.А. Алексинского; в эмиграции с 1918 г. Варшер Татьяна Сергеевна (1880—1960) — историк, журналист; в эмиграции с 1922 г. Даманская Августа (Августина) Филипповна (1875/1877—1959) — прозаик, журналист, переводчик; в эмиграции с 1920 г. Таубе-Аничкова (наст. фам. Таубе) Софья Ивановна (1888—1957) — баронесса, писатель, журналист; в эмиграции с 1926 г. Тыркова-Вильямс (урожд. Тыркова, в первом браке Борман) Ариадна Владимировна (1869—1962) — писатель, публицист, общественный деятель, журналист; в эмиграции с 1918 г. Тэффи (псевд., наст. фам. Бучинская, урожд. Лохвицкая) Надежда Александровна (1872—1952) — прозаик, поэт, журналист; в эмиграции с 1919 г. Чернова-Колбасина (Колбасина-Чернова, урожд. Колбасина) Ольга Елисеевна (1886—1964) — литератор, журналист; в эмиграции с 1920 г.

³² См.: Одоевцева И.В. На берегах Сены. М., 1989. С. 36—48, 49—52.

³³ Пахмусс Т. Творческий путь Зинаиды Гиппиус // Зинаида Николаевна Гиппиус. Новые исследования и материалы. М., 2002. С. 229.

³⁴ Хрисанфоров В.И. Д.С. Мережковский и З.Н. Гиппиус. Из жизни в эмиграции. СПб., 2005. С. 23.

³⁵ Берберова Н.Н. Курсив мой. М., 1999. С. 283.

На основе воскресных встреч в доме Мережковских 5 февраля 1927 г. начало свое существование общество «Зеленая лампа». Название было взято в память о знаменитой «Зеленой лампе», в которой участвовал А.С. Пушкин. «Мережковские решили создать нечто вроде “инкубатора идей”, род тайного общества, где все были бы между собой в заговоре в отношении важнейших вопросов, — “воскресения”, и постепенно развить внешний круг “воскресений” — публичные собеседования, чтобы “перебросить мост” для распространения “заговора” в широкие эмигрантские круги»³⁶.

Особое место в дискуссиях, проводимых «Зеленой лампой», занимали вопросы о причинах революции в России, об отношениях между русской культурой метрополии и эмиграции, о сути опыта жизни в изгнании и его уроках.

При этом поэт и сатирик Дон Аминадо (Аминад Петрович Шполянский), приехавший в Париж в феврале 1920 г., считал, что первый литературный салон там был организован все-таки Надеждой Тэффи. Тем не менее Мережковские играли заметную роль в жизни эмигрантского Парижа 1920-х — первой половины 1930-х гг., хотя это вовсе не означало, что только вокруг них собирался весь русский литературный мир Парижа, как это принято считать³⁷.

Известными светскими салонами, где в начале 20-х гг. XX в. собиралась элита русской эмиграции в Париже, были гостиная Винаверов³⁸ (до 1926 г.) и гостиная Цетлиных³⁹.

Русские женщины принимали деятельное участие в деле сохранения национально-культурной идентичности в эмиграции. Часто жены известных деятелей литературы и искусства играли заметную роль в продвижении произведений своих мужей. Ярким примером такого рода сотрудничества является семья художника Д.Д. Бурлюка, занимавшегося иллюстрацией и художественным оформлением книг. Его жена, М.Н. Бурлюк, выполняла функции его художественного директора и редактора. Помощницей своего мужа в эмиграции — режиссера и драматурга Н.Н. Евреинова — была его жена А.А. Кашина-Евреинова — актриса и театральная деятельница.

Таким образом, российские поэты, писатели и публицисты даже в эмиграции сумели восстановить культурные традиции, широко

---

³⁶ *Терапиано Ю.К.* «Воскресения» у Мережковских и «Зеленая лампа» // Встречи. 1926—1971. М., 2002. С. 46.

³⁷ См.: *Хрисанфоров В.И.* Указ. соч. С. 28.

³⁸ *Винавер Максим Моисеевич* (1862—1926) — юрист, общественный деятель, депутат Государственной думы 1-го созыва, издатель газеты «Еврейская трибуна», соредaktor газеты «Звено» и литературного приложения газеты «Последние новости»; в эмиграции с 1919 г.; *Винавер (урожд. Хишина) Роза Георгиевна* (1872—1952) — жена М.М. Винавера.

³⁹ *Цетлин Михаил* (публиковался под псевдонимом *Амари*) — поэт, литературный критик, коллекционер живописи и издатель альманаха «Окна»; в эмиграции с 1918 г.; *Цетлина М.С.* — жена М.О. Цетлина.

распространенные в России до революции 1917 г. Такое положение вещей свидетельствует о том, что, с одной стороны, русская литературная эмиграция находилась в мучительном творческом поиске новых идей, героев и образов, а с другой стороны, говорит о единых целевых установках всей эмигрантской литературы, которая в той или иной степени была связана с Россией.

3. Гиппиус писала, что «чаша русской литературы из России выброшена, и все, что было в ней, брызгами разметалось по Европе...»⁴⁰. Поэтому, говоря о взаимодействии зарубежной русской и советской литературы, нужно отметить важную роль так называемых «литературных гнезд» русского зарубежья, которые по образному определению известного историка литературы, эмигранта Г. Струве составляли микросреду, точку встречи и взаимодействия литераторов и массового читателя⁴¹. Так, в Париже в 1920 г. начал выходить самый известный литературно-художественный журнал русского зарубежья «Современные записки»⁴². Он отличался широтой политических взглядов и эстетической терпимостью⁴³. В этом издании печатались произведения М. Цветаевой.

Наряду с крупными «гнездами русского рассеяния» в Европе существовали и мелкие. Например Латвия, где до второй половины 1920-х гг. русский язык, наряду с латышским и немецким, относился к разряду официальных. Поэтому часто Ригу называли «Парижем бедных» из-за большого количества эмигрантов⁴⁴.

В середине 1920-х гг. взаимоотношения эмиграции и советской интеллигенции меняются. Если раньше многие эмигранты надеялись на перемены в России и скорое возвращение, то теперь надежда стала таять. Ужесточилось и отношение к эмигрантам в Советской России: их перестают печатать на родине, о видных литераторах зарубежья говорят пренебрежительно, с предвзятостью комментируют все их, даже политически нейтральные, высказывания⁴⁵. Еще в 1923 г. З.Н. Гиппиус жаловалась П.Н. Милюкову на отношения в литературных кругах: «Если б я имела сношения с Эренбургом или Есениным, или Ивановым-Разумником, это бы мне простили, особенно же приветствовали бы антибольшевизм с прохладцей, а еще лучше — полную аполитичность»⁴⁶.

---

⁴⁰ Соколов А.Г. Судьбы русской литературной эмиграции 1920-х годов. М., 1991. С. 30.

⁴¹ Струве Г.П. Русская литература в изгнании. М., 1996. С. 33.

⁴² Басинский П.В. Русская литература конца XIX — начала XX века и первой эмиграции. Пособие для учителя. М., 2003. С. 357.

⁴³ Агеносов Е.В. Литература русского зарубежья (1918—1996). М., 1998. С. 26.

⁴⁴ Петрицкий В.А. XX век: две России — одна культура // XX век. Две России — одна культура. Сб. науч. трудов по материалам XIV Смирдинских чтений. СПб., 2006. С. 18.

⁴⁵ Андреев В.Л. История одного путешествия. Повести. М., 1974. С. 336.

⁴⁶ Зинаида Гиппиус. Новые материалы. Исследования. М., 2002. С. 185.

Споры вызывал М. Осоргин, которого З.Н. Гиппиус считала главным «большевизаном», поскольку он не только высоко оценивал талант советских авторов, но и заявил: «Искра Божия может оказаться и в председателе комсомольской ячейки»⁴⁷.

Крупнейшим образовательным, научным и литературным центром русского зарубежья была Прага. Причинами этому послужили, во-первых, начавшаяся в 1920 г. знаменитая «русская акция», привлекавшая интеллигенцию и студенчество, во-вторых, наличие в МИДе ЧСР целого ряда «русских чехов», и, в-третьих, традиционное чешское русофильство⁴⁸.

Эмигрантка Н. Берберова так пишет о Праге: «Мы не остались в Берлине, где нам жить было нечем, мы не поехали в Италию... потому что у нас не было ни виз, ни денег, и мы не поехали в Париж... потому что боялись Парижа, боялись эмиграции, боялись безвозвратности, окончательности нашей судьбы и бесповоротного решения остаться в изгнании. И мы поехали в Прагу»⁴⁹.

Характерной особенностью «Русской Праги» были более тесные связи с советской интеллигенцией, особенно заметные после краха «Русского Берлина»⁵⁰. Писатель А. Толстой, вернувшийся в Советскую Россию, в интервью корреспонденту «Жизнь искусства», коснувшись вопроса о заграничных центрах русской литературы, выделил наряду с «парижской и берлинской пражскую группу зарубежной писательской братии»⁵¹. В отличие от многих эмигрантов, проживавшие в Праге русские писатели не только не пытались однозначно осудить большевизм, но и старались быть объективными в его оценках. Считается, что одной из самых известных и влиятельных организацией в Чехословакии был Союз русских писателей и журналистов.

Большую издательскую деятельность в Праге вели различные научные и учебные заведения, культурные организации и профессиональные объединения русских эмигрантов. Так, институт имени Н.П. Кондакова выпускал труды советских историков. Сборники научных трудов, посвященных истории России, издавали «Экономический кабинет» профессора С.Н. Прокоповича и его жены Е.Д. Кусковой, Русский институт, Русское историческое общество, Русский народный университет и другие⁵². Более того, деятельность пражских русских издательств внесла весомый вклад в дело сближения эмигрантской и советской интеллигенции.

⁴⁷ Агеносов Е.В. Литература русского зарубежья (1918—1996). М., 1998. С. 137.

⁴⁸ Кишкин Л.С. И. Савицкий. Судьбоносные встречи. Чехи в России и русские в Чехии. 1914—1918 // Славяноведение. 2001. № 4. С. 112.

⁴⁹ Берберова Н.Н. Железная женщина. Документальный роман. М., 1991. С. 970.

⁵⁰ Берберова Н.Н. Курсив мой // Октябрь. 1988. № 11. С. 170.

⁵¹ Лавров В.В. Холодная осень. Иван Бунин в эмиграции 1920—1953 гг. Роман-хроника. М., 1989. С. 134.

⁵² Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918—1940). М., 2000. С. 330.

Женщины русского зарубежья стремились сохранить не только литературную, но и музыкальную культуру России, которая за рубежом оказалась в лучших условиях, являясь самым интернациональным из искусств.

Яркую страницу в истории сохранения национально-культурной идентичности оставили представительницы музыкального, оперного, балетного и театрального искусства русской женской эмиграции.

Фактически первыми эмигрантами в Европе стали несколько групп артистов императорских театров, выехавшие на гастроли накануне революции 1917 г. Особое признание в эмиграции заслужили русские балерины М. Кшесинская, А. Павлова, В. Каралли, Т. Карсавина, О. Спесивцева и др. До середины XX в. постановки русских балетных спектаклей являлись неотъемлемой частью европейской культуры.

На сценах американских и европейских оперных театров блистали в спектаклях и выступали с сольными концертами певицы М. Давыдова, Н. Ермоленко-Южина, Мария Кузнецова, Лидия Липковская и др.

Одной из известных русских исполнительниц, обладавшей незаурядным голосом — лирико-драматическим сапрано, — была Нина Кошиц, которая не только пела в «Metropolitan Opera», но и записывала пластинки для граммофона, расходившиеся большими тиражами. Она много гастролировала по Европе с циклом концертов из произведений русских композиторов, выступала на сценах «Grand Opéra» в Париже, Чикагской опере и др. С конца 1920-х певица ограничила свою концертную деятельность пределами США. В конце 1930-х гг. она переехала в Голливуд, где снялась в фильме «Алжир», а затем посвятила себя вокальной педагогике⁵³. Лучшим подтверждением успеха Н.П. Кошиц является тот факт, что пластинки с ее голосом выпускались в США на протяжении многих десятилетий XX в.

Своеобразной манерой исполнения владела Нина Тарасова, часто выступавшей на Бродвее и на радиостанции «Дабл'ю Джей Зи». Американская публика особенно полюбила такие ее песни, как «Вдоль по Питерской», «Волга», «Очи черные», «Саратовские песни». Радиоконцерты с участием российской эмигрантки проходили каждую неделю, о чем подробно сообщала русская эмигрантская газета «Новое русское слово».

Для женщин-эмигранток, тосковавших по потерянной родине, наиболее близкой оказалась песенная культура. Концерты Александра Вертинского собирали полные залы слушателей, главным

---

⁵³ Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. С. 312—313.

образом, женщин. Любимой песней, которая неизменно вызывала слезы, был «Галлиполийский гимн», который исполняла известная еще до революции 1917 г. в России певица Надежда Плевицкая:

Занесло тебя снегом, Россия,
Замело сумасшедшей пургой.
И холодные ветры степные
Панихиды поют над тобой.

Известный композитор С.В. Рахманинов переложил для оркестра несколько песен, которые Н.В. Плевицкая исполняла на своих концертах.

Женщины-эмигрантки охотнее мужчин включались в культурную жизнь стран проживания. Известная русская пианистка Е.М. Покровская не только занималась преподавательской работой, обучая фортепьянной игре чешских и русских исполнителей, но и вела концертную деятельность — она дала пять сольных концертов в Пражской опере и Пражской филармонии.

Предпочтение в эмиграции отдавалось национальному искусству. Артистическая труппа Русской оперы начала свое существование в Соединенных Штатах Америки в 1920-е гг. Артисты выступали на сценах театров Нью-Йорка, Чикаго и других крупных городов Америки. Большой популярностью в российской эмигрантской среде пользовались оперные артисты, выступавшие в «Metropolitan Opera». Это — Ершова, Карлаш, Казанская. Одним из первых спектаклей, поставленных эмигрантской труппой в Америке, была опера «Царская невеста» Н.А. Римского-Корсакова (май 1921 г.). Как писала газета «Новое русское слово»: «Спектакль оставил сильное впечатление. Оперная труппа наших соотечественников открыла шире свою сокровищницу и показала много драгоценных камней, хранящихся в ней»⁵⁴.

Наиболее далеким от задачи сохранения «русскости» оказалось авангардное искусство. Оно и до революции 1917 г. было максимально космополитичным. В конце 1920-х гг. русский авангард за рубежом, породив несколько течений в декорации и моде, распадается на отдельные школы, в которых художники объединяются уже не столько по сходству форм и живописного языка, сколько по личным отношениям, землячествам и совместной работе.

Большой известностью в среде женской «просвещенной» эмиграции пользовалось творчество М.З. Шагала, который после смерти «легенды Монматра» Модильяни стал лидером ведущего художественного экспериментаторского направления в Европе — так называемой «парижской школы». Приехав в Париж в 1923 г., он до конца своих дней остался верен русским мотивам в своем

---

⁵⁴ Новое русское слово. 1921. 11 мая.

творчестве, но даже при сохранении этой тематики художественный язык М. Шагала был интернационален.

В большинстве же своем женщины из среды русской эмиграции проявляли заметный консерватизм в художественных вкусах. Инстинкт сохранения идентичности уводил их от экспериментаторских тенденций в искусстве кануна революции 1917 г. к более спокойному предшествующему периоду. В моду вошли передвижники, большой любовью в эмиграции пользовались русские пейзажи. Реалистическая школа живописи воспринималась русским зарубежьем как предмет национальной гордости и символ «русскости». Возник даже новый «псевдорусский стиль» в балетных и оперных постановках на русские сюжеты, который французы называли стилем «à la russe».

Задача сохранения художественного наследия России решалась в форме создания музеев и коллекций, которые в силу ряда различных материальных трудностей не были особенно представительными. Самым крупным художественным музеем эмиграции был Русский культурно-исторический музей, созданный в 1933 г. в Праге. Много сил на его создание положил В.Ф. Булгаков, последний секретарь Л.Н. Толстого. Обращаясь к своим единомышленникам за содействием в организации музея, он писал: «До сих пор никем систематически не регистрируются и не собираются культурные ценности, создаваемые зарубежными русскими... Надо сохранить хоть часть из созданного ими... Иначе все рассосется на чужбине»⁵⁵.

Многие женщины-энтузиастки не уставали убеждать русских эмигрантов в необходимости обеспечить связь поколений путем создания музейных коллекций. Аналогичный музей создавался также при Русском университете в Праге, и его ректор, профессор М.М. Новиков, стал верным единомышленником В.Ф. Булгакова. В инициативную группу вошли представители Земгора, общественные деятели, профессора Русского университета, журналисты и издатели.

По выработанному положению музей планировался как временное учреждение, коллекции которого в будущем предполагалось передать свободной России как часть ее «национального достояния». Он задумывался и как универсальный культурный русский центр, включающий в себя библиотеку, архив и выставочный зал. Предполагалась в музее и широкая просветительская работа с молодыми поколениями русской эмиграции.

Музеем оказали серьезное организационное и материальное содействие графиня В.Д. Панина, художник А.Н. Бенуа, философ Ф.А. Степун и др. Членами-корреспондентами музея были: дочь

---

⁵⁵ Русский культурно-исторический музей в Праге. М., 1993. С. 12.

писателя Л.Н. Толстого — Т.Л. Толстая-Сухотина, известный библиофил Н.А. Рубакин, внук поэта А.С. Пушкина — Н.А. Пушкин, филологи А.Л. Беём и С.В. Завадский.

Практически все художники русского зарубежья бесплатно передавали свои картины в этот музей. Так, в нем появились работы А.Н. Бенуа, З.Е. Серебряковой, К.А. Коровина, И.Я. Билибина, М.В. Добужинского, Н.К. и С.Н. Рерихов и др.

Русский историко-культурный музей планировал не только хранить, но и активно знакомить зарубежных зрителей с достижениями эмиграции в области культуры.

Культурная миссия русских женщин в эмиграции не исчерпывалась только консервацией и хранением прошлых раритетов. Так, в Харбине работала культурно-просветительская миссия «Русского общества спортсменов», которая содержала библиотеку-читальню, драматическую студию, класс пластики и балета, русский оркестр и класс хорового пения.

Значительную работу по художественному воспитанию молодежи проводили женщины из «Национальной организации русских скаутов за границей» (г. Константинополь), а также «Русское студенческое христианское движение» (РСХД). В них работали дочери врача и общественного деятеля М.С. Зернова: Софья была секретарем РСХД в Югославии и Франции, а Мария (в замужестве Кульман) — руководителем содружества молодежи и юношества клуба РСХД в Париже.

Особого внимания заслуживает Союз ревнителей чистоты русского языка, возникший в Белграде. Именно в Белграде была открыта Русская публичная библиотека, в которую поступали некоторые советские газеты. Здесь же, в Югославии состоялся I съезд представителей Союзов русских писателей и журналистов за границей, который проходил с 24 по 30 сентября 1928 г., собравший значительное число литераторов⁵⁶.

Таким образом, деятельность женщин русского зарубежья в вопросах сохранения национально-культурной идентичности в 1917—1939 гг. следует признать успешной и достаточно плодотворной. В тоже время специфика эмигрантской жизни как общества закрытого типа, первоначально сложно адаптировавшегося к новым условиям, сделали российское зарубежье уникальным явлением. Выходцы из России сумели создать, по образному выражению П.Е. Ковалевского, «Россию вне границ». Пытаясь сохранить российские традиции и культуру, православное вероисповедание и русский язык, представители эмиграции «первой послереволюционной волны» ставили перед собой важную цель не только не по-

---

⁵⁶ ГАРФ. Ф. 6366. Оп. 1. Д. 20. Л. 6.

терять национальную самобытность, но и вырастить из своих детей высокообразованных специалистов для будущей России. Так, в отчете «Центрального Комитета по обеспечению высшего образования русского юношества за границей» 1932 г. это подчеркивалось как основная задача: «Всем нам очевидно, что во всех областях государственного и народного хозяйства Россия будет нуждаться, по освобождении от коммунистического ига, прежде всего в собственном хорошем материале для громадной предстоящей по ее восстановлению работы»⁵⁷. И женщины русского зарубежья 1917—1939 гг., представлявшие в основном образованную часть российского общества — интеллигенцию, внесли свой весомый вклад в эту благородную историческую миссию.

Женщины-эмигрантки активнее мужчин занимались благотворительностью, которая давала беженцам не только возможность материального существования, но и позволяла издавать газеты и журналы на русском языке, организовывать обучение детей в школах и высших учебных заведениях и др. Благотворительная деятельность также помогала организовывать культурную жизнь русской диаспоры. Свой заметный вклад в российско-итальянское культурное взаимодействие внесла княгиня М.П. Демидова, более полувека прожившая в Италии, где активно занималась просветительской и благотворительной деятельностью.

Для многих женщин в эмиграции участие в жизни Русской православной церкви стало не только фактором национальной самоидентификации, но и единственным средством сохранения полноценной духовной жизни: «Многие вернулись в церковь. Принадлежа к интеллигенции, относясь ранее к религии с равнодушием... они вдруг обнаружили в церкви вечную красоту, открыли мистику, к которой русский народ всегда был расположен, и которую можно было и толковать, и принимать... так, как душе хочется, думается»⁵⁸.

Так называемые «диаспоры катаклизма», возникшие в результате масштабных общественно-политических потрясений в России 1917 г., всегда были более компактны, внутренне едины и наиболее тесно духовно связаны с прошлой страной их проживания и ее идеальным образом. Очевидно, поэтому русская эмиграция 1917—1939 гг. особо внимательно относилась к вопросу сохранения собственной национальной идентичности и культурной гомогенности для себя и своих детей и долгое время активно противостояла процессу ассимиляции.

---

⁵⁷ Русская молодежь: Деятельность Центрального Комитета по обеспечению высшего образования русского юношества за границей 1922/1923 — 1931/1932 уч. гг. Париж, 1993. С. 1.

⁵⁸ Политическая история русской эмиграции. 1920—1940 гг.: Документы и материалы / Под ред. А.Ф. Киселева. М., 1999. С. 65.

Тем не менее в конце 1930-х гг. в связи с усилением военно-политического влияния СССР и крушением надежд на возвращение на Родину историческая миссия русской эмиграции по сохранению традиций национально-культурной идентичности прежней России постепенно уступает место другой задаче — приспособления к окружающей действительности, вхождения в мир западной культуры.

Список литературы

1. Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918—1940). М., 2000.
2. *Назаров М.В.* Миссия русской эмиграции. М., 1994.
3. *Пивовар Е.И.* Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М., 2008.
4. *Пушкарева Н.Л.* Пути формирования русской диаспоры // Этнографическое обозрение. 1992. № 6.
5. *Раев М.И.* Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции, 1919—1939 гг. М., 1994.
6. Русские без Отечества: очерки антибольшевистской эмиграции 20—40-х годов. М., 2000.
7. Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. М., 1997.